

КАРУСЕЛЬ

рассказ

Иван КАТКОВ*г. Дзержинск**Нижегородской области*

— Вот, ребята, познакомьтесь, — коснулась моего плеча Людмила Ивановна, — Витя Симонов. Он будет учиться в нашем классе.

Ученики седьмого «а» оживились. Зашушукались. А кто-то даже приподнялся, чтоб хорошенько меня рассмотреть. Две девочки хихикнули в ладошки. Я почувствовал, что краснею. Крепче сжал ручку портфеля. Хотелось спрятаться, забиться где-нибудь в углу. А ещё лучше — поскорей удрать домой.

Скрестив руки на груди, Людмила Ивановна стала прохаживаться по классу.

Это была невысокая худощавая женщина тридцати лет, с потускневшим взглядом, тонкими бескровными губами и мелкими морщинками на лбу и вокруг глаз. Она собирала волосы в старушечий пучок, безжалостно пронзая его шпильками.

— А сейчас, — елеиным голосом проговорила учительница, — Витя расскажет, откуда он к нам приехал.

— Из Свердловска, — совсем разволновавшись, вдруг ляпнул я.

Я солгал, опережая события. В Свердловск родители должны были забрать меня только через полгода. Пока они решали проблемы с жильём, я гостил у бабушки. И чтобы не отстать в учёбе, мне пришлось пойти в сельскую школу.

Людмила Ивановна снисходительно улыбнулась:

— Витя, ребята, приехал к нам из далёкого Казахстана....

— Ух т-ы-ы, — послышался чей-то ломающийся басок с задних парт, — кру-у-уто!

Я занял место на предпоследней парте. Моим соседом оказался мальчик с зачёсанными на пробор волосами. В меру упитанный, холёный. Антон Кондуков. Он стал моим лучшим и единственным другом.

Первое время с учёбой проблем не возникало. Людмила Ивановна попросту меня не спрашивала, великодушно дав время освоиться в новом коллективе.

Однако недолго мне было суждено отсиживаться за партой, с опаской наблюдая за тем, как перст учительский скользит по списку фамилий в классном журнале. На алгебре Людмила Ивановна вызвала меня к доске решать пример.

Я был гуманитарием. В прежней школе мои сочинения по литературе отправляли на городские олимпиады. В моём письменном столе пылились четыре похвальные грамоты и две благодарности. А ещё я писал стихи и фантастические рассказы. Несколько стихотворений даже были опубликованы в газете. Но математика всегда была для меня тёмным лесом.

Скрипя мелом, я долго и мучительно выцарапывал злополучные цифры. Я старался не обращать внимания на колкие реплики одноклассников у себя за спиной. Помню, что последние минут десять ставил цифры наобум, только чтобы потянуть время до спасительного звонка.

— Ладно, садись, Симонов, — вздохнула Людмила Ивановна, склонившись над журналом, — не мучай себя и ребят. Очень плохо. Чем ты только на прошлом уроке слушал — непонятно...

Она нарисовала напротив моей фамилии заслуженную пару.

Я заметил, как Антон отвёл взгляд и уставился в окно. Я понял, что ему стыдно за меня.

— Новенькай, а новенькай! С почином тебя! — Димка Носов показал мне средний палец.

Антон рассказал, что, получив двойку, я автоматически попадаю на «карусель». То есть Людмила Ивановна будет спрашивать меня до тех пор, пока я эту постыдную оценку не исправлю.

Он оказался прав. На следующем уроке она снова вызвала меня к доске решать задачу. Конечно, я опять опозорился, и в журнале рядом с фамилией Симонов плавали уже два «гуся».

На другой день у доски я вновь растерялся и не смог решить пример с десятичными дробями. Людмила Ивановна потребовала мой дневник. Зашелестели страницы, шариковая ручка оставила на линованной бумаге кровавый след.

— Покажешь дневник бабушке, — процедил мой палач, — пусть посмотрит и распишется. Завтра проверю.

Заглянуть в дневник я не решился, а поспешил спрятать его в портфель.

Недовольно сморщившись, бабушка изучила

послание учительницы. Затем настрочила ответ.

После уроков я сидел напротив учительского стола. В застывшей тишине часы над доской отсчитывали тягостные минуты. Людмила Ивановна придвинула ко мне раскрытый дневник.

— Что всё это значит? — спросила она и потерла виски.

В графе оценок я увидел тройку удалых «гусей» и ниже аккуратные буквы: «Просьба обратить внимание на успеваемость вашего внука».

Следом в контрнаступление шел крупный бабушкин почерк: «Поставить ученику двойку — значит расписаться в собственном невежестве!!!»

— Ну так что все это значит? — повторила Людмила Ивановна, — будь добр, объясни.

— Не знаю, — глупо пожал плечами я.

— Что, разве я не права?! Разве не заслужил ты эти отметки?!

Я опустил глаза и кивнул:

— Заслужил, Людмила Ивановна.

— То-то же. Слава богу, это ты хоть понимаешь, — сказала она чуть тише, — а вот бабушка твоя, видимо, нет. Так ведь?

Я снова безвольно кивнул.

— Эх, Витя, Витя... — Людмила Ивановна встала, прошла к окну, немного постояла там, потом вернулась, снова села за свой стол, пристально посмотрела на меня. — Ну скажи мне, в кого ты только такой?! У тебя ведь интеллигентные родители! Папа — военный. Полковник! Мама... Мама твоя кем работает? — требовательно спросила она.

— Учителем музыки, — промямлил я, глянув на неё исподлобья

Людмила Ивановна принялась катать огрызок карандаша в ладонях. На секунду задумалась.

— Ну вот что, — сказала она, роняя карандаш на стол, — сегодня вечером я вас навешу, общаюсь с Ниной Борисовной.

Весь вечер мы с бабушкой прождали её, но она так и не явилась.

Потом в нашем классе произошли перемены. Людмила Ивановна решила разделить учеников на две группы. На сильных и слабых. Сильные попадали в группу «А», слабые, соответственно, в группу «Б». Стоит ли говорить о том, что я попал к слабакам.

Сильным полагалось сесть за парты у окон, а

мне и ещё пятерым «второсортникам» пришлось расположиться в соседнем ряду. Таким образом, мы с Антоном оказались «по разные стороны баррикад». Странно, но даже двоечник Носов занял свою нишу в группе «А».

Уроки наш реформатор теперь проводил по-новому. «Отстойникам», как окрестила нас толстуха Маркова, Людмила Ивановна давала облегчённые задания и на уроках почти не спрашивала. Мы словно перестали существовать.

Поначалу мне это даже нравилось. Я был рад, ведь меня наконец-то оставили в покое и я мог забыть об этих идиотских «каруселях». Но это продолжалось совсем недолго.

Я стал чувствовать себя опасным, инфицированным, изолированным от общества. Невидимая стена, разделившая наш класс на два лагеря, загнала меня и моих коллег по нечастию в карантин.

Раньше в столовке мы обедали все вместе за одним большим общим столом, теперь же группе «Б» накрывали отдельно. Для нас вдруг стало не хватать мест. И мы вынуждены были сиротливо ютиться за соседним столиком. Суетливая буфетчица (мама Димки Носова), не замечая нас, с подносом пронеслась мимо и угощала коржиками и киселем ребят за общим столом. Там её чадо развлекало себя, подбрасывая хлебные шарики, пытаясь поймать их ртом.

Антон стал избегать меня. В перемены он устраивался с книжкой на подоконнике и, если я подходил к нему, только раздражённо цыкал. После уроков в раздевалке я часто видел, как он торопливо стаскивал с ног сменную обувь, кое-как зашнуровывал ботинки и быстро уходил, видимо опасаясь того, что я могу увязаться за ним.

Так я остался совсем один. Стал тенью отца Гамлета. Превратился в монаха-схимника. И было мне и скучно, и грустно. Иной раз ловил себя на том, что разговариваю сам с собой.

И я решил больше в школу не ходить. Чтобы бабушка ничего не заподозрила, я, как и раньше, просыпался в семь утра, проглатывал яичницу, хватал портфель и уходил из дома. До обеда шатался по поселку. Иногда, как партизан, часами бродил по лесу. В дождливую погоду прятался в пастушьем шалаше у оврага. Возвращался к двум часам дня. В это время как

раз заканчивались занятия. Обедал и делал вид, что готовлю уроки. Но через неделю мой обман все же вскрылся. И бабушка привела меня в школу за руку, как первоклашку.

За время обучения я успел заметить некоторые странности в поведении нашей классной. Часто на уроках, сидя за своим столом, она клевала носом. Порой, без всякой на то причины, она начинала ругаться. А иногда что-то мямлила себе под нос. Пару раз она, вдруг разрыдавшись, выбегала из класса. Тогда вместо неё урок вёл наш директор Евгений Львович.

Однажды на физре мы играли в футбол. Группа «Б» против нескольких ребят из группы «А». Наша команда выигрывала со счётом 5:3. Я был нападающим. Женька Копылов дал мне хороший пас. Я взял мяч и, обводя соперников, помчался к воротам. На воротах, чуть подавшись вперёд и уперев руки в колени, стоял Носов. Я ударил с подкруткой. Мяч пролетел между его ног и запутался в сетке ворот.

— Шесть-три! Шесть-три! — ликовал Копылов. На бегу он стянул с себя майку и пропеллером раскручивал над головой.

Тут я почувствовал мощный удар в спину. Так, что отдало в голову. Выпятив грудь и выгнув спину, перебарывая боль, я обернулся.

— Урод! — скалился Носов и уже заносил руку для следующего удара.

Я успел отскочить, принять боксерскую стойку и заблокировать кулак Носова. Сразу же атаковал с правой. Попал в лицо «скользячкой». Он схватился за челюсть, как при зубной боли, сел на корточки и захныкал.

— Чмошник! Гнида! — всхлипывал Носов, закрывая лицо ладонями.

Нас моментально окружила толпа любопытствующих. Несколько ребят, куривших на заднем дворе, побросали сигареты и устремились к нам.

— Диман! — прокричал невысокий коренастый с оттопыренными ушами парень из восьмого «б». — Да вломи ты ему, чё ты!

Однако Носов поспешил покинуть поле брани. Пиная сухую листву, он широко шагал, прижимая ладонь к щеке, другой рукой по-лыжному отмахивал.

— Позже поговорим, салабон, — проскрипел восьмиклассник, сплюнул себе под ноги и по-

бежал за Носовым. Он догнал его, ободряюще похлопал по плечу и принялся что-то назидательно ему внушать.

После занятий я вышел из школы вместе с Антоном. Но, не успев пройти и десяти метров, дорогу нам преградил Носов и его лопухий друг.

— Вить, я пойду, а ты разберись-ка пока с этими ребятами, — сказал Антон и, пожав мне руку, торопливо двинулся дальше.

Я проводил его изумленным взглядом.

— Отойдём, базар есть, — Носов ударил кулаком по своей ладони.

Лопухий стоял к нам боком, курил и равнодушно смотрел в сторону.

— Ну, пойдём, — согласился я, незаметно снял часы и убрал в карман брюк.

От моего друга-иуды тогда уже и след простыл.

Меня привели на зады какого-то огорода. Место было выбрано грамотно. С одной стороны глухой забор, с другой — непролазные заросли черёмухи. Чуть поодаль — садовые участки.

Лопухий приблизился ко мне почти вплотную и, не вынимая сигареты изо рта, выпустил дым в лицо. Я чуть отступил и закашлялся.

— Чё, сыч городской, рамсы попутал?! — прошипел он и ткнул меня кулаком в живот.

Я согнулся пополам. Попятился назад, захрипел, пытаюсь вздохнуть.

— Ну-ка, дай я! — взвизгнул Носов и, подпрыгнув, лягнул меня ногой в ухо.

Я пошатнулся, но устоял. В голове зазвенели на разный мотив колокола.

Вцепившись мне в волосы, он повалил меня на землю. Я разбил нос о какую-то корягу. По губам и подбородку потекло теплое.

Вдруг послышался дикий топот, хруст ломающихся веток и шум листвы. Будто ко мне приближалось кабанье стадо. Из-за кустов выскочили три пацана. Лиц их я разглядеть не успел.

— Гаси его, ребя! — вопил Носов.

На меня посыпались удары. Я лежал, свернувшись калачом, прижав колени к груди, и, сцепив пальцы на затылке, руками закрывал голову.

Через некоторое время я услышал пронзительный разбойничий свист и фальцет Носова:

— Шухер! Валим!

По топоту, отдававшемуся от земли, я понял, что мои обидчики бросились врассыпную.

Спугнул их мужичок в гимнастёрке. Он ко-

вырвался в грядке на своём приусадебном участке. Я с трудом поднялся, отдышался и закатал штаны. Ноги мои были сплошь в ссадинах и гематомах. Левое ухо горело огнем. В носу застыла кровавая корка. Спина ныла, словно по мне проехался каток.

(Бабушке я сказал, что упал с велика. К счастью, она мне поверила.)

На следующий день Людмила Ивановна оставила меня и Носова после уроков.

Дверь в классе она заперла на ключ. Царственным жестом указала на первую парту. Мы неохотно сели, брезгливо отодвинувшись друг от друга.

Она процокала каблучками, открыла окно, прижав створку увесистым глиняным горшочком с фикусом.

Со скрипом придвинула стул к нашей парте и опустилась, развернувшись к нам влоборота.

— Так, господа хорошие, — начала она неожиданно мягким голосом, — ситуация, конечно, неприятная, но всё же мне не хотелось бы доводить дело до педсовета.

Она заискивающе взглянула на меня. Я отвёл глаза в сторону. Легкий ветерок колыхнул тюлевую занавеску.

— Кто из вас ударил первый? — Людмила Ивановна откинулась на спинку стула и сцепила руки на коленях.

— Симонов, Людмила Иванна, — Носов подпер ладонью щеку, покосился на меня, — Симонов ударил первый.

— Врёшь, сволочь, — вскочил я, хватив кулаками по крышке парты, — это ты мне кулачиной в спину засадил, когда мы вам гол забили!

— Симонов, — прикрикнула Людмила Ивановна, — сядь на место и успокойся! Ты не на базаре! Тем более что Дима прав. Я разговаривала с ребятами, и они все как один утверждают, что именно ты на уроке физкультуры ударил Диму по лицу.

— Хм, ударил, — усмехнулся Носов, — да он мне зуб чуть не выбил!

— Что произошло после уроков? — спросила учительница, не поднимая головы.

— На улице он стал хамиться, обзывать по-всякому, — не уставал заливать Носов, — я не выдержал, ну мы и подрались.

— Так, мне всё ясно, — сказала Людмила Ивановна. — Симонов, ты мало того что учишься че-

рез пень колоду, так ещё и драться удумал! Мало тебе было замечаний?! Это, может быть, в твоей старой школе так было принято отношения выяснять. А у нас, милый мой, всё по-другому. Наш класс как одна большая дружная семья!

Она замолчала. Мне с трудом удавалось сдерживать себя. Ещё минута — и я задушил бы сначала её, а потом и этого пигмея.

— Значит, так, — вздохнула она, — если ещё раз я узнаю, что ты дал волю рукам, вылетишь из школы со справкой в зубах! Это я тебе обещаю!

Учительница поднялась, подошла к двери, повернула ключ в замке:

— Теперь проси прощения у Димы, и чтоб впредь такого больше не повторялось.

Не говоря ни слова, я схватил портфель и, едва не сбив её с ног, вылетел из класса.

— Симонов, — кричала она мне вслед, — вернись сейчас же! Я тебя никуда не отпускала!

Полный злости, я нёсся по школьному коридору. По пути сорвал со стенда стенгазету. На ходу растерзал её, смял и утопил в оставленном в фойе половом ведре.

Твёрдо решив поквитаться с Носовым и ненавистной училкой, я домчался до дому. Мне повезло, бабушка была на дворе. Меня заметить она не могла.

Я прошмыгнул на кухню, порылся в ящике стола. Отыскав нож с длинным ребристым лезвием на деревянной рукоятке, воровато спрятал его в портфеле.

Слома голову прибежал обратно в школу.

Толстая уборщица, раскорячившись, домывала лестницу. Могучие груди её тяжело колыхались под провисшим халатом.

— Куды?! — заголосила она, когда я влетел на второй этаж. — Там же нет никого, палаумнай! Занятия-то давно кончились!

Мне фартило. По коридору, копошась в сумочке и замедляя шаг, двигалась Людмила Ивановна. Я успел проскользнуть в тёмную подсобку и спрятаться за приоткрытой дверью. Наблюдая за ней сквозь узкую прожилку света в дверной щели, я нащупал в портфеле гладкую рукоятку ножа.

Видимо, найдя в сумочке то, что искала, она набросила тонкий ремешок на плечо и уверенно прошла мимо подсобки.

Я осторожно выглянул и, как театральный зло-

дей, на цыпочках покрался за своей жертвой.

Минувя библиотеку и кабинет физики, она свернула направо и пошла по направлению к столовой. Я проследовал за ней. В конце коридора моргала и потрескивала перегоревшая флюоресцентная лампа. Людмила Ивановна толкнула тяжёлую дверь в столовую и, не закрыв её, двинулась дальше.

Я спрятался за умывальниками у входа. Обзор у меня был идеальный.

— Ой, Людмила Ивановна! — радостно воскликнула буфетчица, всплеснула руками и спешно вытерла их о передник. — А я вас задалась. Вы что-то припозднились сегодня.

— Да-а, — отмахнулась учительница, — оболтусов своих уму-разуму учила.

Она присела на краешек стола и положила сумочку рядом.

Шаркая сланцами, в обнимку с огромной алюминиевой кастрюлей проковыляла посудомойка. Она кивнула Людмиле Ивановне.

— А у меня всё давно готово, — развязывая передник, мама Носова убежала на кухню.

Через секунду она вернулась со свертком в руках.

— Вот, возьмите. Я там ватрушечек еще утренних доложила. И пирожков.

— Спасибо, Мариш, — учительница поднялась и навесила на плечо сумочку, — ну, побегу я, а то дома ещё дел по горло.

Людмила Ивановна пошла к выходу.

— А как там Димка мой? — вдогонку прокричала Носова. — Не балует?

— Учится, старается, — через плечо ответила учительница, подходя всё ближе к двери.

Я выполз из-под умывальников и ломанулся вниз. Уборщица звякала ведром внизу, в раздевалке. Я решил подкараулить Людмилу Ивановну на улице.

Она спустилась с широкой лестницы. Я выглядывал из-за угла заднего двора. Отмерив безопасную дистанцию, двинулся за ней.

Я «вёл» её осторожно, по всем правилам киношных детективов. Но пару раз она все-таки оглянулась, вероятно почуяв за собой слежку. Ловкий, я вовремя успевал скрыться.

Учительница поднялась на пригорок, поздоровалась с соседкой и скрылась за высокой калиткой палисадника. Я подошёл поближе и

увидел аккуратный домик с резными наличниками на окнах. Рядом с домом прогуливались бройлерные куры. Лохматая дворняга каталась в пыли, дёргая короткими лапками и довольно тьявкая. Неподалеку раздавалось жалостливое козье бляение.

Я обежал палисадник и уткнулся в деревянный забор, отделяющий огород Людмилы Ивановны от узкого проулка. На забор ложился густо разросшийся куст сирени. Нащупав ногой узкую прореху в заборе, я загнал в неё носок ботинка и схватился за приколоченную сверху рейку. Подтянулся. Голова моя выглядывала из-за забора, но была хорошо замаскирована сиреневым кустом.

Мальчишка с глазами навывкат, широким лбом и бледными щеками сидел в цветочной клумбе.

Рядом с клумбой были разбросаны изуродованные игрушки. Каркас кубика Рубика, обезглавленная кукла, одноногий плюшевый мишка...

Увидев Людмилу Ивановну, дурачок замычал и захлопал в ладоши, широко размахивая руками.

Учительница приблизилась к нему, достала из свёртка ватрушку и присела рядом. Он схватил ватрушку, жадно откусил и зачавкал, роняя кусочки творога на колени.

— Ну как ты тут, не скучал? Вкусно хоть, горе ты мое луковое? — Людмила Ивановна вытерла ему рот салфеткой.

— Да в него всё как в прорву, — прохрипел из огорода небритый мужик в ватнике.

— Набрался, скот, — глухо проговорила Людмила Ивановна, поднялась и пошла к дому.

Мужик, покачиваясь, вышел из огорода и неловко опустился на скамейку.

Учительница вернулась с ведром воды. На ней был домашний халат и галоши. Она сняла с бельевой верёвки тряпку и бросила её в ведро.

Тут моя нога сорвалась, и я, ударившись подбородком и ободрав руки в кровь, повис на заборе. Куст сирени предательски зашелестел и отогнулся в сторону. Надрывно залаяла собака. Увидев моё скорченное от боли лицо, Людмила Ивановна ахнула, выронила ведро и пулей залетела в дом.

Я спрыгнул с забора, снял с ветки портфель и побрёл домой. Солнце садилось в тучу, обещающая на завтра пасмурный день. Стало прохладней, я пожалел, что не прихватил с собой куртку.

Репрессии в седьмом «а» постепенно сошли на нет. Теперь на уроках, заметив мой взгляд, Людмила Ивановна прятала глаза. Мне не хотелось её смущать, и я смотрел куда угодно, только не на неё.

Дни сменяли друг друга. Я терпеливо закрашивал числа в календаре. Через три месяца родители увезли меня в Свердловск.

□

Иван Олегович КАТКОВ

родился в 1986 году в Казахстане.

Учился на филологическом факультете

Нижегородского государственного университета.

Пишет рассказы.

Публиковался в журналах и альманахах — «Нева», «Урал»,

«Слово/ Word», «Нижний Новгород», «Земляки» и др.

Автор книг «Ещё один день» (2017), «Маньяк» (2019).

Участник Всероссийского совещания молодых авторов Союза

писателей России «На родине Гончарова» (Ульяновск, 2018).

Лауреат конкурса «Северная звезда» (2022) в номинации «Проза».

Живёт в городе Дзержинске Нижегородской области.

В журнале «Север» публикуется впервые.

